

Александр Снегирёв

ЧУВСТВО ВИНЫ

Москва
2013

УДК 82-32
ББК 84(2=441.2)6-44
С55

Редактор Роза Пискотина

Снегирёв А.

С55 Чувство вины / Александр Снегирёв. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 226 с.

ISBN 978-5-91671-234-6

Семь историй от Александра Снегирёва — свободное обращение с запретными темами. Ханжам не рекомендуется. Остальные найдут здесь динамизм сюжета, мысль и задор.

В противоречивом герое поколения тридцатилетних сплетена жестокость и чуткость, холодность и романтизм. Он смеется над смертью, тоскует по безвозвратно ушедшему и остро чувствует жизнь.

Читается легко, погружаешься полностью.

УДК 82-32
ББК 84(2=441.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-234-6

© Снегирёв А., 2013
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Внутренний враг	5
Скребется	73
Он скоро умрет	95
Чувство вины	113
Моя борьба	165
Как бы огонь	181
Крещенский лед	207

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

– Але! – незнакомый голос старика в трубке.

– Слушаю вас.

Домашним телефоном Миша не пользуется. Раньше звонили материнские знакомые, коллеги. Выражали соболезнования.

Которые о смерти матери не знали, удивлялись, как это так, такая еще молодая, что же случилось, плохие врачи, вот у меня врач хороший, на ноги поставил. Миша от звонков этих устал, устал от удивления малознакомых людей, удивления, за которым поблескивала радость: они-то живы. Многие любопытничали, выпрашивали подробности болезни и очень разочаровывались, узнав, что болезни никакой не было. Не было страданий, паралича, ложных надежд, знахарей-шарлатанов, вонючих простыней, пролежней. Сосуд лопнул. И всё. Любопытничающих Мише еще на похоронах хватило, один ее сослуживец все в гроб заглядывал – интересно, хороша ли коллега в последнем макияже. Однажды Миша перестал поднимать трубку домашнего телефона, и звонки сами собой прекратились. На этот раз звонок разбудил

Мишу, он долго ворочался и прятался под одеяло, собрался было выдернуть шнур из телефона или поднять трубку и сразу положить, но сдался, приложил трубку к уху.

— Это кто?! — рывкнул, срываясь, голос.

Вот мерзкий старикашка. Поколение грубиянов. «Это кто?» Тебя надо спросить «это кто?». Но Миша решил с утра быть вежливым и представился даже как-то манерно-шутовски:

— Михаил Глушецкий к вашим услугам.

В трубке воцарилась тишина, Миша начал злиться. Разбудил, а теперь молчит. Уж не околел ли неизвестный пенсионер на том конце провода. Миша алекнул, проверяя у собеседника пульс.

— Валентину позови, — отозвался старик.

«Ну вот опять, — подумал Миша. — Какой-то на ладан дышащий тип хочет говорить с матерью, которая скоро год, как в могиле».

Миша уже выучился отвечать: «Она умерла». Отвечать не запинаясь. Отвечать и не смотреть после этого в точку по часу. Не падать в бесконечный колодец самоуколов, что вовремя не свозил мать на отдых, не уделял ей достаточно времени, редко проводывал.

— Она умерла.

В трубке опять провал. Не такой продолжительный, как предыдущий.

— А ты ей кто?

— Послушайте! — не выдержал Миша. — Хватит мне тыкать! Вы сами-то кто? С какой стати меня допрашиваете?

Молчание.

— Ты сын Валентины?

— Ну сын, дальше что?!

В голосе старикашки Миша чуял военную привычку говорить коротко, не просить, отдавать приказы. Военных он терпеть не мог. Солдафонов. Пока Миша боролся с желанием высказать в трубку все, что думает по поводу военных, обязательного призыва и дедовщины, старикашка заговорил:

— Ты не Миша Глушецкий. Ты Степан Васильевич Свет.

После смерти матери Миша остался без родственников. Отца не помнил, о нем мать рассказывала разные истории. То отец был ее однокурсником в пехе, то моряком, то сотрудником иностранного посольства. Ничего определенного. Не будь мать строгой чопорной училкой, Миша мог бы решить, что она и сама толком не знает, от кого залетела. Еще в раннем детстве Миша обнаружил в себе странность — он носил фамилию матери. У остальных детей фамилии были отцовские. Сколько Миша мать ни расспрашивал, ничего внятного добиться не мог. И однажды просто потерял интерес к собственному происхождению.

— Это друг твоего дедушки тебя беспокоит.

— Мой дедушка умер.

Трубка затихла ненадолго.

— Я говорю про отца Васи, папаши твоего беспутного.

— Моего отца зовут Григорий, — возразил Миша.

Глупо утверждать, что твоего отца зовут Григорий только потому, что отчество у тебя Григорьевич. Миша понял это, еще не успев прозвенеть «и кратким» в конце имени предположительного родителя.

— Вася с Валентиной Степаном тебя назвали. В честь деда. В честь его деда. Он мне сам говорил. Вася был кобель и пьяница, разбежались они быстро. Валентина тебя от папашки огораживала, отчество тебе придумала. Я чего звоню: Вася лет пять как помер, и дед твой... — старик замолк. — Он мне велел найти тебя и дом перевести. Квартирка еще была, да Вася пропил. Мне недолго... Приезжай. К нотариусу надо.

С улицы доносился звон, хруст и грохот. В подъезде меняли окна, старые рамы сваливали в железный контейнер.

Всем этим словам, информации этой Миша не то чтобы очень удивился, а как-то растерялся весь. Рассыпался. Выходило, никакой он не Миша. Не Михаил Григорьевич Глушецкий, не очкарик-переводчик, у которого папа за морем, за границей, черт знает где, а Степан Свет, у которого папаша-алкаш в земле сырой. Миша-Степа снова подивился своей матери, ее умению хранить тайну, ее ощущению собственного права унести тайну в могилу.

Даже мелькнула мысль, не ловушка ли это. Нет ли у него тайных врагов, которым он не угодил на переговорах, ошибся с переводом, импорт с экспортом перепутал. Заманят в глухое место и убьют. Но разыгравшаяся фантазия не подкреплялась реальными фактами. Никаких врагов Миша припомнить не мог,

никто к нему претензий не имел, а работать на переговорах, касающихся секретной информации, он сознательно отказывался.

Вечером в гости заглянула Катя. Возлюбленная. Любовница. Девушка. С Катей уже несколько месяцев. Принесла бутылку, стала что-то готовить. Миша тербил пальцы, отвечал невпопад.

— Так как тебе идея? — спросила Катя, ставя перед ним тарелку.

— Идея неплохая, но стоит подумать...

— О чем тут думать, буду тебе готовить каждый день, чего ты такой напуганный?

Миша очнулся: он совсем не понимал, о чем Катя говорила весь вечер и о какой идее спрашивает его мнения.

— Я люблю тебя и хочу просыпаться рядом с тобой. — Катя опустила на пол, рядом с Мишей, положила голову ему на колени. Волосы рассыпались, сверкнула молния пробора. Катя посмотрела на Мишу снизу.

— Мне предлагают работу в Лондоне. Контракт на год с возможностью продления. Я думаю...

— Да-да... Знаешь, сегодня такой странный человек звонил...

И Миша рассказал подробности утреннего разговора. Ничего не утаил, даже секрет собственного имени.

— А я-то думала, что влюбилась в еврейского интеллигента! — рассмеялась Катя. — Степан Васильевич Свет! Имя, больше подходящее для какого-нибудь

генерала госбезопасности. Генерал по контролю за оборотом тьмы.

Обсудив таинственного посланца от покойника-деда, решили, что все это похоже на маловероятную, но все же правду. Завтра Катя занята с самого утра, Миша вполне может ехать один, посмотрит, что и как, и если вся эта история не ошибка слабоумного старика, он познакомит его с Катей.

Все-таки наследство. И о настоящем отце что-нибудь прояснится.

Миша отложил работу, отменил встречи, сказав, что должен уделить время пожилому родственнику, и отправился на поиски таинственного семейного дома, в котором ныне обитал душеприказчик его родного деда.

Зарабатывал Миша переводом: участвовал в подписании договоров между компаниями, присутствовал на встречах банкиров. Иногда его приглашали на переговоры представителей бизнеса с политиками, где одни давили, а другие пытались отдалиться как можно дороже. Такие встречи были единственным соприкосновением Миши с миром профессии, которую он получил в университете.

В конце двадцатого века Миша изучал политическую науку, а в самом начале века двадцать первого на торжественной церемонии, перед которой под залог паспорта студентам выдали магистерские мантии и шапочки с квадратным блином и кисточкой, получил диплом с державным золотым тиснением. Ректор пожал Мише руку. Отныне он именовался магистром

политических наук. Вот только политика к тому времени в стране закончилась.

В последнее десятилетие двадцатого века, десятилетие беспредела и надежд, в России начали готовить профессионалов для обеспечения работы демократической многопартийной системы. Политиком может стать каждый, а вот политологами, мастерами технологий должны работать люди обученные. Студентов учили быть консультантами при партийных вождях, мудрыми советниками президентов, знатоками опыта прошлого, предостерегающими от повторения ошибок. Ведущим преподавателем был молодой еще мужчина, успевший побывать и министром, и советником, и депутатом, а теперь временно ушедший в науку, чтобы скоротать ожидание новой должности. В конце семинаров он любил рассказать историю из своего недавнего славного прошлого, делился хохмами о встречах руководителей государств, потчевал молодежь байками об известных политиках. Этот бывший любил приговаривать, что вот, мол, скоро назначение, уже в кулуарах поговаривают, и вот-вот его снова призовут, вставят обратно в обойму, ведь без его опыта и мудрости никак не обойтись. Прошел год, другой, политический олимп заполнили новые люди, у которых были свои застоявшиеся приближенные, и про рвущегося из университетского стойла, постаревшего раньше времени хохмача забыли.

Миша думал, что сможет принести пользу стране, сможет применить свои умения. Он верил, что знания Алексиса де Токвилля, Леви-Стросса и Хайдеггера,

транслируемые через него, уберегут Россию от новой диктатуры, обеспечат свободу и процветание.

Вышло иначе. К моменту получения золоченого диплома, когда преподаватель притих и прекратил хорохориться, когда иссякли и стали повторяться его анекдоты, а сам он все больше хлопотал, как бы дочку выдать замуж за европейца да о зарплате, растущей слишком медленно, политические выборы превратились в скучное представление с предсказуемой развязкой. Цепляясь за веру в авторитарную, но просвещенную власть, Миша попробовал было встроиться в этот механизм, но, столкнувшись с тем, что единственной константой любых действий является только выгода начальственной группировки, ушел. С тех пор кормил Мишу другой, полученный параллельно, лишенный всякого тиснения диплом переводчика с английского языка и обратно.

Следуя подробным указаниям старика и карте, Миша уже катил деревенской улицей, которая ворочалась под автомобилем, выставляя все свои горбы, и на которую желто-ржавой октябрьской мочалкой с обеих сторон напоззали кусты, свешивались ветлы, валились дома, будто пьяные, желающие поговорить откровенно. Улица в русской деревне – то ли обстроенная избами вместо трибун арена, то ли русло высохшей реки. Края неровные, дома не вдоль, а как-то вокруг. Тут и кусты растут, и целые деревца и тропки стихийные то и дело возникают. Посередине такой улицы можно кровать поставить хоть вдоль, хоть поперек, лежать и наблюдать светила и никто не потревожит.

Деревня, расположенная всего километрах в восьмидесяти от города, выглядела необитаемой: большинство домов прорастали изнутри деревьями, несколько избенок покрепче со следами свежей краски были законсервированы до следующего лета. Ни лая собак, ни кудахтанья кур. Старик дал четкие инструкции, и Миша, вопреки опасениям, без труда нашел нужный дом на самом отшибе, у поля. Облезлые ветви перли поверх линялых, истлевших, мягких от старости досок забора. Сизый, крытый шифером, накренившийся сруб напоминал уснувшего пса.

Отогнув, согласно подробным телефонным указаниям, проволоку, Миша распахнул калитку. Точнее, калитка выпала на него, едва он освободил ее. Пройдя по усыпанной листьями дорожке, поднялся по гнилым ступенькам. Постучал. Стеклопанельная дверь веранды передразнила звоном.

— Эй, есть кто?! Это Миша!

Только теперь он понял, что не знает имени старика. Во время вчерашнего разговора тот не представился. После нескольких минут тщетного стука и криков, на которые никто не отзывался, Миша дернул дверь, которая оказалась открытой, и вошел на веранду.

Потрескавшийся, подбитый гвоздиками линолеум. Дрожащий пол. От каждого шага позвякивают стаканы в серванте. Выцветшие обои в цветочных гирляндах. Несвежий дух.

— Добрый день! Миша приехал! — прокричал Миша. — То есть Степа. Я приехал!

И тут же вздрогнул от чужого прикосновения. Даже подпрыгнул. Чего тотчас устыдился. Позади него в кресле сидел круглоголовый старик в черной ватной телогрейке, в синих заношенных трениках, заправленных в шерстяные носки. Каждый из этих носков относился к парам принципиально разным: один был высоким коричневым, с вывязанной снежинкой, другой – короткий серый с красным штопаным и снова прорванным мыском. Старик толкал Мишу концом клюки:

– Не шуми.

Миша вдруг понял, что не знает, как поздороваться. Пожать руку? Просто кивнуть? Может быть, обнять...

От старика заметно попахивало. Миша решился на рукопожатие.

– Здравствуйте! – неестественно громко гаркнул он, вопреки просьбе не шуметь.

– Чего орешь, я не глухой пока.

– Михаил Глушецкий по вашему приказанию прибыл, – шутливо отрекомендовался Миша на военный лад. Пенсам ведь нравится все военное, с оттенком великодержавности.

Лицо старика пошевелилось, под кожей прошемыгнуло что-то, будто мышь под ковром. Старик фыркнул презрительно:

– Какой ты Глушецкий, чтобы я этой жи... – старик оборвал сам себя, – этой нерусской фамилии больше не слышал! Ты – Свет!

Он наконец протянул Мише руку. Миша пожал.

– Чего ты меня тискаешь, встать помоги!

Костлявые пальцы вцепилась в Мишину ладонь. Дернули. Мишу мотнуло к старику. Дурной запах ударил в нос. И даже куда-то в лоб. Под кость. Вспомнил фреску Микеланджело. Творец протягивает руку свежеиспеченному Адаму. А вот если бы Адам протягивал руку Творцу, одряхлевшему, немощному и больному... Вставайте, папаша, созданный вами мир гниет и разваливается, переезжаем в другой, а этот сносим.

Поднявшись на дрожащие ноги, старик обнаружил себя некрупным сгорбленным грибом с мохнатыми ушами. Белые брови были густы чрезвычайно, отдельные особо длинные волосинки торчали кошачьими усами-антеннами, закручиваясь на концах, надбровные дуги выступали буграми. Угловатый нос с черными порами, редким ворсом и пучками из ноздрей заметно выдавался. Рот до конца не захлопывался. Правая рука дрожала. Миша обратил внимание, что старик не смотрит на него. Он пялился в пол, в стену, на Мишины туфли — куда угодно, только не смотрел в глаза.

— Паспорт взял? — переведа дух после подъема с кресла, спросил старик, изучая растянутые джинсы на Мишиных коленках.

— Взял.

— Завтра к десяти к нотариусу поедем дарственную составлять. Дом этот тебе останется. Есть хочешь?

— Еще не проголодался, спасибо, — отказался Миша, стараясь, чтобы голос звучал веселее.

— Что? — переспросил строптивый старик, который все-таки был туговат на одно ухо.

— Есть пока не хочу! — громко повторил Миша. — Спасибо!

— Не ори.

С того первого их телефонного разговора старик ни разу не просил, только и делал, что приказывал. В другой раз Миша возмутился бы, встал бы в позу, но встреча с этим человеком, чертом из табакерки выпрыгнувшим, возникшим вдруг из небытия, так поражала и занимала, что Миша не артачился, не своевольничал и выполнял все требования.

Миша был воспитан нежной одинокой матерью, которая всю свою нерастраченную страсть на него обрушивала. Любил разговоры ласковые, душевные. За сутки, прошедшие со вчерашнего утра, он успел нафантазировать себе общение с приятелем родного деда, которого он никогда не видел. Разговор этот Миша представлял в ключе несколько идиллическом. Вот они сидят у камина или печки, старик рассказывает истории из жизни его деда, вспоминает об удивительных его подвигах, с гордостью за то, что был его другом, а напоследок благосклонно сообщает, что Миша, то есть Степа, похож на того Степу в молодости, ох как похож. В реальности же ничего подобного старик не проделывал. Он и двумя десятками слов с Мишей не обмолвился. Никаких душевных историй рассказывать не собирался, и нежностей стариковских от него явно ждать не приходилось.

Вцепившись в Мишину руку, он вошел с веранды в избу. Ступая медленно, подстроившись под его шаг, стараясь дышать скупой, Миша осмотрелся.

Грязь повсюду накопилась необычайная. Как покрытый водорослями песок на дне морском колыхнется от колебаний воды, так пушистый ковер пыли дрогнул от волны воздуха, поднятой распахнутой дверью. Пыль бархатилась повсюду. Мише показалось, что он угодил в жилище существа, обитающего на таких глубинах, куда никогда не спускались ни Кусто, ни Немо. Большой круглый стол был заставлен бесчисленными склянками, коробочками с лекарствами, которые вместе напоминали макет города, где главными часами был остановившийся будильник. Некоторые склянки были не такими пыльными, как другие, что говорило о том, что хозяин изредка употребляет их содержимое. Над столом висела бронзовая люстра без плафона. В двустворчатом книжном шкафу стояло несколько потрепанных томиков с незнакомыми именами и названиями на корешках. Мише почему-то запомнилась книжка «Голубые сугробы». За стеклами буфета была кое-как расставлена случайная посуда: несколько бокалов, рюмок с золотыми каемками, стопка тарелок, чашка. На стене висела большая черно-белая фотография, запечатлевшая молодого мужчину в гимнастерке с петлицами на вороте, с ремешком через правое плечо. Без погон, довоенная форма. Или первые годы ВОВ.

— Дед твой, — прокомментировал старик. Хотя смотрел в другую сторону и никак не мог знать, что Миша заметил фотографию.

Умение видеть затылком напугало Мишу. Что-то звериное было в этом.

Странный у него был дед: жил с каким-то мужиком, который теперь на его фотографию любит и наследство его определяет. Мишу отвлек неприличный и вместе с тем характерный звук, который у людей часто случается, но который не принято производить в обществе.

— Калоприемник, — объяснил старик, и голос его показался Мише смущенным. — Рак прямой кишки. Четвертая стадия.

Они доплелись до кухоньки. Стол был накрыт, точнее — облеплен старой, напитанной продуктовыми соками газетой. Из миски с нарезанными помидорами лениво поднялись осенние мухи. С голой загаженной лампочки свисала липкая, хрустящая, шевелящаяся от попавшихся мух лента. Пузатый холодильник ЗИС распирала плесень, буйно расползающаяся из его железного чрева. Нутро холодильника, как и хозяйское, безнадежно загнило. Старик опустил на единственную табуретку и принялся за помидоры, отправляя их в рот дрожащей вилкой. Прооперированная кишка снова пукнула. На этот раз более смачно.

— Чего встал, коли есть не хочешь, — буркнул пенсионер-доходяга, понимая, какое отвращение он вызывает у молодого человека.

Муха прохаживалась по бледной, в коричневых крупинках лысине.

— Там... — старик едва заметно махнул рукой, указывая направление. — Там комната для тебя. Раньше в ней Вася жил, — и красная помидорная слюна длинным жгутом повисла на его губе.

Вечером хозяин велел спилить засохшую яблоню. Бензопила хранилась под его кроватью. В сарае пилу не оставлял, опасался воров. Миша быстро приноровился к опасному инструменту и свалил старое дерево. Хруст последних волокон подпиленного ствола, падение и шелестящий удар ветвей о землю. Миша порезал ствол на короткие чурки. Руки ломило, улыбка в опилках растягивала лицо. Он никогда прежде не пилил дров бензопилой и теперь испытывал радость простого труда. Ту радость, которая выдувает из головы любые мысли, делает счастливым.

Ворочаясь на старом жестком диване, он вдыхал запах чистых, но долго пролежавших в шкафу, а потому затхлых простыней. В доме было прохладно, печь едва грела — дедок оказался скрягой, запретил расходовать дрова. Электрический нагреватель имелся только один, и тот в его комнате.

Непривычные звуки сада, отсутствие автомобильных гудков и сирен, скрипы дома, скребущиеся мышцы тревожили Мишу. Только он погружался в дрему, холодильник вздрагивал и начинал тарыхтеть тракторным мотором. Пол и межкомнатные перегородки дрожали. В буфете дребезжали чашки.

Но сильнее остального Мишу тревожили мысли. Вечером, выйдя прогуляться, Миша позвонил Кате и рассказал подробно о своей встрече с загадочным стариком, о том, что переночует в доме, а завтра рано утром повезет его составлять завещание. Миша так и не узнал имя старика. Спросил раз, но тот не слышал или сделал вид. Миша постеснялся продол-

жать расспросы, решил, что старик мог представиться еще при первом телефонном разговоре, просто у Миши из головы выскочило и теперь неудобно выказывать свою забывчивость.

Когда Мише все-таки удалось заснуть, ему приснилось, что в комнату ввалился огромный черный медведь. Зверь скалил клыки, вцепился когтистыми лапами в Мишино горло. Оцепеневший от ужаса, Миша пошевелиться не мог, только рука одна произвольно упала в щель между диваном и стеной. Пальцы коснулись чего-то гладкого, деревянного. Топорище. Рука налилась силой. И тело Мишино через руку эту силой налилось. Хрипя под медвежьими лапами, выхватил Миша топор и рубанул зверя по голове. Медведь ослабил хватку. Миша стал молотить топором по медвежьему лбу как попало – острием, обухом, плашмя. Бил, куда не опомнился. А когда опомнился, ничего от головы медвежьей не осталось, а веки Мишины слипались от медвежьей крови.

От ужаса перед самим собой, перед собственной жестокостью Миша проснулся. В окно стучала ветка. Он пошарил между диваном и стеной. Пальцы нащупали гладкую деревянную рукоять. Вытащил находку. В тусклом свете раннего утра разглядел топор.

За спиной булькнуло. Миша подскочил. Руки сами собой дернулись, чуть топором себя в лицо не ударил. Обернулся. В двери стоял старик. Старомодный, кургузый, но опрятный коричневый пиджак, того же цвета брюки. Темный галстук. Черные начищенные ботинки.

– Для разведки не гожусь, – каркнул старикашка, и Мише показалось, что его отвисшая губа скривилась в усмешке. – Давно стою, на тебя смотрю. Плохо спалось?

– Новое место. Непривычно.

– Привыкнешь. Пей чай и поехали.

В очереди у нотариуса долго ждать не пришлось. Старик записался заранее, и вскоре крупный мужчина с усишками пригласил их в кабинет.

Стены кабинета украшали вымпелы и грамоты, сообщающие, что нотариус в прошлом служил в КГБ и всячески там отличился. На большой фотографии усатенький стоял в компании одинаковых, как матрешки, детей, буженинные оковалки голов которых оплывали на камуфляжные плечи. Полиэтиленовые глаза, мягкие туши, поросшие светлой шерстью, жаркая прелость под мышками, в паху, катышки между пальцами ног. Папилломки, шрамики бледные аппендицитные. Разговелись, в прорубь нырнули, водочки хряпнули, проперделись.

Почуяв их запах, Миша захлебнулся в страхе и брезгливости. Мыши. Хочется прихлопнуть, но до того мерзко, что на табуретку забираешься. Знакомое каждому русскому интеллигенту чувство. А Миша, конечно, интеллигент. Начитанный, всегда против, люто ненавидит опричников, чекистов, обслугу вечной русской тайной канцелярии. Держится от таких на расстоянии, лапищи их кровавые не пожимает, правда, и те на рукопожатиях не настаивают, на другую сторону улицы переходит и оттуда полными

презрения глазами спины ненавистные, кожаные, шинельные, камуфляжные буровит.

Будь его воля, он бы всех этих усатых собрал на корабль, вывез в море и потопил. Чтобы вода даже запах похоронила. Ведь из-за этой крепко затвердевшей кучки его знания, его надежды похоронены. Из-за них профессия его не нужна, диплом тисненный на распорку, лишь подхалимство и умение закрывать глаза пользуются спросом. Из-за них одни друзья спиваются, другие терпят, убаюкивая себя: «Все не так уж плохо, может, так и надо, а кое в чем, пожалуй, даже правильно, мы же не специалисты, откуда нам знать все тонкости». Руки у всех опускаются, не стремятся здесь ни к чему, а лишь отсюда подальше стремятся. Из-за них Россия с боку на бок ворочается, от вечного бодуна очнуться не может.

А сами-то они кто, нынешние слуги тайных ведомств? Недалекие подпевалы, обезьянничавшие двоечники, миноритарии поеденных молью идеологий, щерящие одолженные у мумий вставные челюсти, подворовывающие втихую, путано крестясь на портретик начальника. И усики-то у них жалкие. Не николаевские – калачиком, не кошачьи буденновские, не сталинские жирные, не усы Сальвадора Дали, а невыразительная лобковая поросль низших чинов, трусливо подсматривающих в щелочку за гениями прошлого.

Эти мясные бойцы выдавили на корабль таких, как Миша. Дохляков, умников, очкариков, лишних. Он работал однажды на выставке зарубежной

недвижимости. Люди валом валили, хоть бы что прикупить — домик, квартиру, закуток. И не для отдыха, а для побега из страны, которая в любой момент может полыхнуть. Гадливый страх поселился в людях. Страх этот разъедает души, уродует мечты, перетирает жизни.

Мать рассказывала о бабушке, которая после ареста мужа, Мишиного деда, отказалась от него в письменной форме. Отказалась и подпись поставила. И дату. А потом до самой смерти места себе не находила. А он, когда в пятьдесят шестом из Казахстана вернулся, прощения у нее просил за то, что своим приговором испортил ей жизнь. Мишина мать люто ненавидела всех без разбора бойцов внутреннего фронта. За отца своего ненавидела, за мать, за себя, за всех расстрелянных, перекованных, штабелями в рудниках уложенных, в каменистую почву Колымы втоптаных. Ненависть не приносила ей счастья, не прибавляла сил. Ненависть подтачивала ее, отравляла и одновременно питала. Мать сжигала саму себя в своем же двигателе.

Темрачные времена Миша представлял себе весьма смутно, «плохих» он, как и следовало человеку его круга, ненавидел, «хороших» почитал за мучеников. Годы сталинской диктатуры оживали в его воображении схематично. Что такое каменистая почва Колымы, Миша не представлял. Читал, что почва в тех местах каменистая, но как именно выражается ее каменистость? Это когда одни камни? Или земля вперемишку с камнями? Или земля твердая настолько,

что напоминает камень? А если все-таки камни, то какие: округлые или острые, крупные или мелкие?.. Если честно, псов государевых Миша ненавидел в основном за физиономии их тиражные да затылки, скобочкой стриженные. Завидовал их могуществу, неистребимости, влекущей и устрашающей силе. Ненависть Мишина была истерической, так ненавидят в третьем поколении, правозащитницы с надломленной психикой так ненавидят, крестоносцы Страсбургского суда, грантососы-неудачники, шакалящие у западных посольств, выкормыши Госдепа.

Разобравшись в причине визита, хозяин кабинета строго попросил Мишу выйти.

— Я должен поговорить с дедушкой наедине и удостовериться, что он сам принимает решение и никакого давления на него не оказывается. Вы только паспорт оставьте.

В коридоре Миша стал прохаживаться взад и вперед мимо ожидающих своей очереди посетителей. Минут через двадцать нотариус распахнул дверь и приветливо пригласил Мишу обратно. Физиономия его так и светилась, даже усишки топорщились.

— Вот не ожидал. Такие люди еще есть среди нас! — восклицал нотариус.

Ассистентка уже несла чай и поднос с печеньями-конфетами.

— Угощайтесь! — ластился нотариус.

Миша откусил печенье, гадая, чем вызвана такая любезность. Чем этот хрипло дышащий, вонючий старик так угодил? Он сидел, сложив руки на рукоятке

клюки, и смотрел в одну точку. Миша грыз печенье и прислушивался к своей просыпающейся ненависти. Мишина ненависть потянулась после долгого сна, зевнула. Ненависть расправляла крылья, вертела за-текшей шеей. Ноздри уловили тонкий запах фекалий.

На прощание нотариус похлопал Мишу по плечу и напутствовал:

– Вы можете гордиться вашим дедом. Надеюсь, встретимся нескоро.

Уезжать сразу после оформления дарственной было неудобно. Выходило, приехал только ради наследства и, получив желаемое, больше в одиноком старике не нуждается. Пускай он вернется через несколько дней, но... Не найдя никаких моющих средств, Миша, преодолевая отвращение, взялся ножом отскрести облепленный газетами кухонный стол.

– Чего расхозийничался?!

– Стол хочу отмыть. Грязный очень, – оправдался Миша.

– Нечего тут! Езжай. Звонить будешь раз в два дня. Чтобы я тут не гнил долго, когда откинусь. А то дом так провоняет, что жить не сможешь. За-вещание у нотариуса. После моей смерти в течение полугода к нему с паспортом. Запомни: этот дом дед твой построил. Береги его, ремонтируй, поддерживай, детям оставишь.

Смущенный отказом от помощи и обрадованный одновременно избавлением от гадкой уборки, Миша съездил в магазин, купил продуктов, электрочайник, который был встречен недовольным бурчанием,

зарядил баллон газом и укатил с чувством освобождения от тяжкого груза.

Катя, выслушав подробный, приправленный комическими деталями рассказ о получении наследства, смеялась и едва не плакала одновременно.

— Хоть он и отказывается, надо помогать. Старики все упрямые. На выходных вместе поедем, порядок наведем. Ему жить-то осталось совсем чуть-чуть. Может, в город его перевести?

— Он не согласится.

— Я с ним поговорю, согласится. Он тебе хоть и не родственник, но все равно надо помочь. Честно сделал то, о чем твой дедушка просил. Мог бы какой-нибудь сиделке завещать. Нельзя старика одного бросить.

Мишу завертели дела, встречи с иностранцами, долгие переговоры, затягивающиеся до глубокой ночи. Каждый раз, когда он собирался звонить благодетельствовавшему его старику, что-то мешало. То работа, то поздний час. А потом он снова забывал. Опомнился дней через пять, не раньше.

Заметно нервничая, Миша набрал номер. Автоматический голос сообщил, что телефон находится вне зоны действия сети. Миша не волновался — в деревне плохой прием. Перезвонил снова. На этот раз гудки. Дождавшись автоответчика, сбросил и снова набрал. Гудки. В течение всего дня Миша звонил в каждом перерыве, на каждом перекуре. Никто так и не ответил.

С трудом дождавшись окончания встречи, на которой он был прикомандирован к юристу нефтяной

компании, Миша помчался в деревню. Пустая улица, валящиеся дома. Показалось, улица стала уже, а дома накренились сильнее и вот-вот прихлопнут Мишу.

Дверь на веранду, как и в прошлый раз, оказалась не заперта. Дверь в дом открыта...

Старик лежал поперек порога своей комнаты.

Миша кувырнулся к нему:

— Эй! Вы чего?! Вы живы?! Эй!

Миша тряс старика словно куклу. Ненавидел его за то, что он может вот так вдруг умереть. Стал щупать пульс. На запястьях. На шее. Побежал за зеркальцем. Не нашел, вернулся с пустыми руками.

Раздался знакомый пук. Миша никогда так не радовался пердежу. Тем более чужому.

— Чего суетишься... — булькая горлом, прошамкал скукоженный рот.

— Жив!

Миша поцеловал костлявую руку. Любовь к этому вонючему, едва живому непонятно кому вдруг наполнила его. Захватила и согрела.

Он доволок ожившего до кровати.

— Помоги сменить, — старик с усилием задрал байковую рубашку на боку. — Ночью автоматчики приходили, сегодня старшой их вернется.

— Кто приходил? — вытаращился Миша.

— Стоит вон, сторожит, — старик мотнул головой.

Миша посмотрел в сторону кивка. Табуретка.

— Боятся, как бы я не убег, — скривился улыбкой старик. — Смени пока.

Указал на упаковку сменных калоприемников.

Сраженный его галлюцинациями, Миша поставил чайник.

Как быстро развивается болезнь. Неделю назад был абсолютно трезвомыслящий человек.

Наполнил таз кипятком. Перекинув стариковскую руку через шею, дотащил его, словно раненого, до стула. Отлепил раздувшийся переполненный пакет, омыл ярко-бордовую, кровяную кишку-трубочку, торчащую краником из бледного живота. Намылил кожу рядом с кишкой и стал аккуратно брить отросшие волосы старинным станком. Странная мысль мелькнула в голове. Странная и отвратительная. Захотелось эту кишку срезать. Такой лишней она показалась. Такой раздражающей. Гадкой и вожделенной. Покоя не дающей. Миша с трудом удержал свою руку от произвольного движения.

Он тряхнул головой, стал промокать кожу вафельным полотенцем. Снял предохраняющую бумажку с клейкого кружка, продел отросток в отверстие в пакете, приклеил пакет к бледному боку, хорошенько прижал к коже.

— Ничего. Завтра к врачу поедем. Поправишься. А хочешь помыться? — улыбнулся Миша. — Давай я тебя помою. Будешь чистенький!

Миша разжег плитку. Взгромоздил на конфорку ведро воды. Подтащил нагреватель поближе. Растопил печь. Когда вода забурлила, наполнил корыто, разбавил ледяной из колодца. Расплескивая колышущую гладь, успел укорить себя за несообразительность — надо было пустое корыто принести и на месте на-

полнить. Помог старику стянуть байковую рубашку, майку, носки шерстяные, штаны синие. Вооружившись заваливающейся губкой для мытья посуды, Миша принялся тереть маленькое, белое, беззащитное тело. Взбухшие вены, сморщенные складки, красные сосуды. Дряблый ребенок. Наконец у Миши появился ребенок, большой, нелепый, старый ребенок, и он с ним нянчится. Натирая спину, Миша невзначай прижался к гладкой макушке.

— Когда Вася Валентину в дом привел знакомиться, она болтать стала, — заговорил Степан Васильевич неожиданно. Будто мочалкой Миша кнопку «play» задел. Будто тепло и нежность запустили механизм, активировали старика. — Товарища Сталина назвала преступником.

— У мамы отец репрессирован, можно понять. А вы откуда знаете?..

— Я Васе сказал, что Валентина для меня не существует.

Миша вздохнул. Бедняга путает себя с его дедом. Был, наверное, такой случай, дед ему рассказал. Эх, дурацкие стариковские принципы. Существует не существует. Как будто непонятно, кто такой был этот ваш товарищ Сталин. Да и как можно из-за слова «преступник» так заводиться.

— Бежать мне надо, — старик неожиданно схватил Мишу за шею, проявив молодую силу. В самое Мишино ухо захрипел, его голову к себе пригнул. — Когда у них пересменка будет, ты мне с пайкой перо передай, а я уж сам управлюсь.

И, ослабнув, отпал, тяжело дыша, от Мишиной шеи, будто вампир насосавшийся. Миша потер кожу, на которой краснели следы хватки.

— Давай сначала домоемся, а потом и все остальное успеем, — ласково попросил Миша, намазывая правое плечо старика.

Бледно-голубая картинка на плече. Старая, почти растворившаяся татуировка. Будто плоть пыталась рисунок собой разбавить, да не справилась. Пятиконечная звезда. От звезды широкий луч, поджаривающий корчащегося очкарика. И надпись: «Свет несет смерть врагам народа».

Миша потер буквы.

Оглушенный, Миша уложил Степана Васильевича Света в постель. Укрыл одеялом. Потушил лампу. Затворил дверь. Он не помнил, как проделал все это, не помнил, как оказался перед фотографией, висящей на стене. Молодой, моложе Миши, вопреки обычаю того времени смотреть вдаль, вопреки самому себе нынешнему, дед смотрел внуку прямо в глаза. Трудно было отвести взгляд от этих глаз. Очень хотелось отвести, но не под силу. От взгляда этого Мише стало не по себе. Стало страшно. Захотелось проснуться. Очнуться. Глаза деда были с виду ничем не примечательны — веки, ресницы, зрачки. Но Мише показалось, что не в глаза человеческие он смотрит, а в дырки нужника, в звериные норы. Миша даже прикрыл глаза деда ладонью и стал внимательно разглядывать петлицы на воротнике, нарукавную нашивку. В углу петлиц треугольник. Звездочка и по-